

Корнеева Т.А. Теоретические аспекты поэтического словотворчества символистов // Филология и культура. Philology and Culture. - 2012. - №1 (27). - С.38-42.

УДК 811.161.1'075.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА СИМВОЛИСТОВ

© Т.А.Корнеева

В статье рассматривается проблема поэтического словообразования на материале окказионального словотворчества русских поэтов-символистов. Особое внимание уделяется теоретическим аспектам концепции «особого поэтического языка» символистов и реализации данной концепции при построении окказиональных адъективных композитов.

Ключевые слова: поэтическое словообразование, символ, синкретизм, адъективные композиты.

Поэтический язык как язык, употребляемый в поэтических произведениях, наделённый особым экспрессивным качеством, соответствующий изображаемому поэтическому миру и выражаемому поэтическому настроению [1: 29], характеризуется, по словам В.В.Виноградова, «общей направленностью на словесное эмоционально-образное выражение и воспроизведение «действительности» в свете тех или иных эстетических задач и требований» [2: 157], поэтому в поэтической речи «резко изменяются, как бы смещаются и тем самым приобретают новый смысл и новую изобразительно-выразительную силу любые соотношения элементов общей системы языка и её стилей». По образной характеристике Г.О.Винокура, в поэтической речи «не только оживляется всё механическое, но и узаконивается всё привольное, случайное – из разных форм речи» [3: 141]. М.М.Гиршман назвал «преобразование» слова в поэтическом контексте «поэтическим словообразованием», основываясь на том, что в поэтическом языке «формируются в известном смысле новые слова, образные

значения которых не просто надстраиваются над прямыми значениями, а присваивают и прямые и другие возможные значения для создания нового индивидуального смысла» [4: 37]. Общеязыковое значение слова сохраняется как инвариант во всех поэтических дериватах (как значение производящего слова в производных), сила образности (метафоричности, «поэтичности») которых и определяется соотношением основного и поэтического значения слова [5: 201].

Поэты-символисты стремились к созданию особого поэтического языка, концепция которого непосредственно выростала из теоретических работ А.А.Потебни, особенно его учения о «внутренней форме» слова и символизме языка [6]. Суть этого учения заключается в установлении взаимосвязи трёх элементов слова: а) внешней формы, т.е. звука; б) содержания, объективируемого звуком; в) внутренней формы, вскрывающей «семантическую осложнённость», «многообразие значений слова», его «непринудительность и потенциальность». «Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова» [6:115]. Характерной особенностью символа, по А.А.Потебне, является его многозначность. Символ характеризуется относительной подвижностью, многозначностью объекта, т.е. его внутренних форм при относительной устойчивости его внешнего языкового эквивалента, поэтому поэтическое слово двупланово: соотносясь со словесной системой общего языка, материально как бы совпадая с её элементами, оно в то же время по своим внутренним поэтическим формам, по своему поэтическому смыслу и содержанию направлено к символической структуре литературно-художественного произведения в целом. Содержание художественного произведения не однозначно, оно многозначно, настолько, что можно говорить о множестве содержаний, сменяющих друг друга в процессе исторического бытования произведения. Читателю А.А.Потебня отводит особую роль в истории художественного произведения. Следуя иносказательным намёкам символической структуры, читатель сам должен воссоздать её объективный

ряд («внутренние формы»), наполнить её своим смыслом, своим содержанием. Читатель не только «читает» «писателя», но и творит вместе с ним, подставляя в его произведения всё новые и новые содержания. В силу огромной гибкости символической структуры, поэтическое произведение способно к бесконечному обновлению. В связи с этим актуально свойство поэзии, которое А.А.Потебня называет «формальностью». Сущность этого свойства заключается в том, что художественное произведение задано читателю не как система положительного содержания, а как известная схема и загадка, которую читатель должен ещё дополнить и разгадать в конкретно-смысловом плане. Рассматривая поэзию как особую форму живого, творческого познания мира, А.А.Потебня главную роль отводил осмыслению и истолкованию познавательного значения фактов поэтического языка [6; 3: 135].

Отталкиваясь от учения А.А.Потебни, В.Брюсов обосновывал познавательную функцию искусства, высказывал необходимость вернуть языку его первоначальную силу: фонетическую и идеографическую, А.Белый выводил теорию символа, положение о том, что символ есть внутреннее слово в слове внешнем. Основываясь на лингвопоэтической концепции А.А.Потебни, поэты-символисты создали собственное учение о символе как «оживлённом», «творческом» слове, о свободе истолкования любого слова как символа, о поэзии как языкотворчестве, о символическом смысле как сущности поэтического произведения. Основные положения символистской концепции «особого поэтического языка» вытекают из общетеоретических предпосылок, представленных в работах В.Брюсова «О искусстве», «Ключи тайн», К.Бальмонта «Поэзия как волшебство», «Горные вершины», А.Белого «Символизм», «Арабески», «Глоссолалия», Вяч.Иванова «Борозды и межи», «По звёздам», Эллиса «Русские символисты» и др., и обобщены в статье В.Гофмана «Язык символистов».

Символизм, как пишет А.Ф.Лосев, «отличался от художественного

реализма не употреблением символа (эти символы не меньше употребляются во всяком реализме), но чисто идеологическими особенностями», характером символов. «Символисты хотели понимать как реальное то, что является сверхприродным, сверхчувственным, сверхъестественным, небесным, занебесным или, по крайней мере, философской конструкцией» [7: 190]. Символизм, по словам А.Белого, соединяет «вечное с его пространственными и временными проявлениями» [8: 246]. «Характерной чертой символизма в искусстве, - писал А.Белый, - является стремление воспользоваться образом действительности, как средством передачи переживаемого содержания сознания. Образ, как модель переживаемого содержания сознания, есть символ» [9: 70]. Символ для В.Брюсова – иносказание, для А.Белого - «идея-образ», для Вяч.Иванова – знамение, смысл которого раскрывается в мифе [10: 14]. Несмотря на своеобразие толкования символа каждым поэтом-символистом, он (символ) является особой формой поэтической речи, специфическим средством – или приёмом – поэтической изобразительности, своеобразно использованным на практике (ср. определение символа в монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века»: символ - «универсальный троп, который может сочетаться с любым «набором» художественных средств, формирующих образную структуру текста» [11: 41]). Многие исследователи поэтического языка символистов (В.Жирмунский, В.Гофман, З.Г.Минц и др.) отождествляли «символ символистов» с метафорой, «наделённой особыми правами, - метафорой, «творящей познание». В.Гофман отмечает: Мы присутствуем при головоломной метаморфозе: семантические средства речи становятся «двигателями поэтической мысли. Семантические связи, образующие троп, оказываются раскрытием и воплощением творимого мира, источником и отображением призрачных отношений и закономерностей этого мира» [12: 68]. Стремясь с помощью метафоризации «освободить» словесные значения от их повинности в «общем языке», от их действительной качественной определённости, отражающей материальный мир, от реальных связей и

отношений, которые в них заключены, поэты-символисты искали таких способов выражения, при которых «и конкретно-материальное перевоплощалось бы в сверхчувственное, в идеальное, возвышалось до него и уравнивалось с ним ...» [12: 80].

Преимущественное большинство новообразований символистов связано с именами прилагательными. «Своеобразие прилагательного проявляется в его «семантической мобильности», т.е. приспособляемости к разным по семантике существительным и развитию на этой основе вторичных, переносных значений, с трудом поддающихся логической интерпретации; в его семантической и синтаксической несамостоятельности; в наличии широко представленного прагматического аспекта (субъективно-оценочных значений разного характера) и т.п.» [13: 4]. Эти качества прилагательного усиливаются при образовании сложного слова.

«Сложение прилагательных – один из традиционно излюбленных способов образования индивидуально-авторских эпитетов, в которых соединение смыслов призвано образовать новый смысл и сконцентрировать этот сложный смысл в одном слове» [14: 120]. Обилие сложных эпитетов в поэзии символистов объясняется: 1) нечёткостью их семантических очертаний, смысловой непрояснёностью («зыбкостью» И.Анненский), являющейся следствием сложности выражаемого смысла; 2) тем, что созданный для усиления субъективации лирического повествования признак, представленный как сумма признаков одного явления, увиденных поэтом, именно им сливаемых воедино (хотя они могут содержать разностороннюю характеристику изображаемого), несёт на себе яркую печать поэтической индивидуальности, выражает позицию поэта, его видение и восприятие [11: 241]; 3) стремлением к усилению признаковой семантики. Первую классификацию сложных прилагательных на материале поэзии К.Бальмонта дал И.Анненский в «Книге отражений (Бальмонт-лирик)». Наблюдения И.Анненского дополнил В.Гофман на материале поэзии

Вяч.Иванова, А.Белого, В.Брюсова, включив в классификацию сложные прилагательные-архаизмы. «Не трудно убедиться, - пишет В.Гофман, - что и в сложных прилагательных символисты видели средство создания символических связей и соответствий через сближение в сложном слове и переосмысление значений отдельных компонентов этого слова. Лёгкость образования в русском языке сложных слов открывала символистам возможность словотворчества, освобождающего хотя бы несколько от “стылого смысла” общего языка» [12: 90]. Попытка классифицировать сложные прилагательные И.Анненского сделана в книге «Очерки истории языка русской поэзии XX века», где рассматриваются адъективные композиты с «односторонними» эпитетными характеристиками (*сине-розовый, раскатно-гулкие* и др.), с «разносторонними» эпитетными характеристиками (*воздушно-чёрный, картонно-синий* и др.) и эпитетные сложения, в которых один из составляющих является обозначением эмоции или психического состояния человека (*душно-мягкий, жалостно-чуткий* и др.).

Однако при анализе основных закономерностей образования и функционирования сложных прилагательных в поэтическом тексте необходимо исходить из структурно-семантических особенностей адъективных композитов в зависимости от характера опорного компонента. Признавая ключевую роль опорного компонента в словообразовательном процессе, мы исходим из положений о том, что 1) при сочетаемости двух компонентов в сложном слове «второй компонент является носителем **родового** признака. В нём заключается основное, ведущее значения слова. Первый компонент является носителем признака, качества, свойства». 2) «Все имеющиеся и все вновь создаваемые в языке сложные слова подводятся под определённые грамматические категории, классифицируются как те или иные части речи именно по второму компоненту» [15: 95]. Кроме того, рассматривая адъективные новообразования в поэтическом тексте, необходимо учитывать, что поэтическое произведение - «это устойчивая, завершённая, самозамкнутая структура, сформированная на основе

сосуществования, взаимодействия, соотношения и динамической последовательности строго определённых средств или элементов поэтического выражения» [3: 131], оно отличается строгой организацией и, по сравнению с прозаическим произведением, большей внутренней связанностью. В большинстве стихотворных произведений символистов сложные адъективные новообразования выполняют версификационную функцию, что увеличивает роль опорного компонента в сложном слове 1) как «носителя рифмы», 2) как обладателя логического ударения, связанного с инверсионным усилением звучания сложного прилагательного и обогащения его семантики, т.к. «постпозиция для прилагательного – это прежде всего средство усилить его значение, подчеркнуть его смысл по отношению к контексту-высказыванию в целом» [16: 18]. Однако преобладание адъективных новообразований в позиции «конец стиха» вовсе не означает их полную лексико-семантическую подчинённость структурно-поэтической цели создания рифмы. Данная («ослабленная») позиция сложного прилагательного в стихе, наряду с «сильной» позицией (начало, середина стиха), с точки зрения поэтического словообразования является показательной, т.к. при образовании новых слов ключевую роль играет первый словоэлемент композита (конкретизатор), присоединяющийся с нарушением валентности основы опорного компонента, а он (первый словоэлемент) в стихотворной строке находится, как правило, в «сильной» позиции (не в рифме; особый случай составляет анафорическая рифма), что позволяет говорить прежде всего о художественной обусловленности сложных адъективных новообразований в поэзии символистов. Частотными в поэзии символистов являются сложные прилагательные с соматическим опорным компонентом (*звёздоокий, рогорогий, рукокрылый и крылорукий, пухоперый* и др.), цветовым (*воздушно-золотой, детски-лазоревый, грустно-алый* и др.) и эмоционально-оценочным (*упруго-бесстрастный, опьянительно-жуткий, лазурно-радостный* и др.) опорными компонентами.

Большинство неологизмов поэтов-символистов представляет собой

потенциальные слова, т.е. «новообразования, созданные по нормам современного словообразования, как естественная реализация возможностей словообразовательной системы» [17: 12]. Их окказиональные сложные прилагательные (в большинстве случаев уже не воспринимающиеся таковыми) образованы на основе окказиональных словосочетаний, которые являются результатом окказиональной совместимости лексем вследствие окказионального увеличения их сочетаемости (валентности). Подчёркивая функциональную обусловленность появления поэтических неологизмов, следует отметить их контекстуальную зависимость (Д.Н.Шмелёв, Е.А.Земская, Э.И.Ханпира), эстетическую направленность (Я.Мукаржовский), неожиданность, непривычность, исключительность. Они способствуют обогащению смысла художественного произведения, адекватному отражению поэтических чувств и мыслей автора (Л.К.Никитина), усилению воздействия на читателя.

Рассматривая категории сложных прилагательных, нельзя обойти вопрос о качественных и относительных прилагательных. Общепринятая точка зрения на их различия представляется «надуманной», мы придерживаемся точки зрения В.М.Маркова, отмечавшего чисто словообразовательные отличия между этими двумя разрядами. В поэтической речи все прилагательные «качественные», т.к. она строится на синкретичности семантики слова. Об этом говорит и лёгкость образования сложных прилагательных с «качественными» и «относительными» компонентами, объединяющимися в единое семантическое («качественное») целое.

Синкретизм семантики слова в поэтическом тексте проявляется в одновременной реализации семантики «исходного» слова и его семантических производных. Как отмечает М.Гиршман, «художественное слова именно качественно, субстанционально отличается от своего внехудожественного прототипа, его преобразование в художественном произведении есть именно переход в новую сферу бытия, в новое качество, в котором оно не существует до

произведения и за его пределами» [18: 24]. Это наиболее ярко прослеживается при поэтическом словотворчестве поэтов-символистов.

1. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
2. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд.АН СССР, 1963. – 256 с.
3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
4. *Гиришман М.М.* Слово в художественной целостности литературного произведения // Античность – XX век: Проблемы изучения литературы и языка. – Донецк, ООО Лебедь, 1996. – С. 11-21.
5. *Николаев Г.А.* Размышления о лингвистическом анализе поэтического текста // *Norilegium slavicum*, 1998. – С. 197-211.
6. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.
7. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
8. *Белый А.* Символизм как миропонимание. - М: Республика, 1994. – 528 с.
9. *Белый А.* Символизм. – М: Мусагет, 1910. – 635 с.
10. *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
11. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке.* – М.: Наука, 1994. – 271 с.
12. *Гофман В.* Язык символистов // *Литературное наследство*, №27– 28, 1937. – С. 54-105.
13. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
14. *Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования. – М.:

Наука, 1984. – 184 с.

15. *Василевская Е.А.* Словосложение в русском языке. – М.: Учпедгиз, 1962. – 132 с.

16. *Марков В.М.* К вопросу о происхождении полных прилагательных // История русского языка. Словообразование и формообразование. Сборник материалов. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – С.10-21.

17. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

18. *Гиришман М.М.* Слово в поэтическом контексте // Вопросы теории и истории русского словообразования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – С. 36-38.

THEORETICAL ASPECTS OF SEMANTIC DERIVATION IN POEMS

© **T.A.Kornejeva**

The article deals with the problems of poetical derivation, the problems of semantic changes and word-building in poems of russian symbolists.

Key words: poetical derivation, symbol, compound adjectives.